

Вестник Европы

1871 том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В38

В38 Вестник Европы: 1871 том 1 / – М.: Книга по Требованию, 2022. – 464 с.

ISBN 978-5-517-92113-0

Русский литературно-политический ежемесячник умеренно либеральной ориентации, выпускавшийся с 1866 по 1918 год в Санкт-Петербурге (продолжал традицию одноимённого журнала, основанного в 1802 году Н. М. Карамзиным). До 1868 года выходил ежеквартально, с 1869 года — ежемесячно. Редактор-издатель М. М. Стасюлевич (с 1866 по 1908 год). В журнале преимущественное внимание уделялось истории и политике. Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1871 года

ISBN 978-5-517-92113-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

БОЛЬШОЙ БОЯРИНЪ

ВЪ

СВОЕМЪ ВОТЧИННОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

(XVII-ый вѣкъ).

Наши старинныя вотчинныя отношенія — предметъ мало извѣстный и вовсе необработанный; между тѣмъ отъ его разъясненія, по возможности точнаго и подробнаго, вполнѣ зависятъ рѣшеніе многихъ спорныхъ вопросовъ нашей исторіи и культурныхъ и политическихъ. Мы долго будемъ препираться о нашей древней общинѣ, о значеніи петровской реформы, о значеніи всего нашего развитія и т. д., пока не приведемъ въ ясность положенія нашего стараго вотчиннаго и земскаго быта, т.-е. тѣхъ положеній, среди которыхъ несъ свое тягло нашъ старый земець, — этотъ сфинксъ нашей исторіи. Только тогда мы встрѣтимся лицомъ въ лицу съ самимъ народомъ, который непремѣнно и расскажетъ намъ, что онъ такое? Только тогда возможна будетъ и «исторія народа», если ее надо отдѣлять отъ исторіи государства. Конечно, на этомъ пути намъ придется выслушать очень много мелочныхъ и неважныхъ для политическаго любопытства свидѣтельствъ; но съ народомъ нельзя иначе знакомиться, какъ только посредствомъ мелочей его жизни. Нашъ очеркъ вотчинныхъ дѣйствій и отношеній богатаго боярина есть только опытъ разработки такого мелочнаго матеріала, извлеченнаго исключительно изъ столбцевъ и книгъ XVII-го ст., храня-

щихся въ архивѣ Оружейной Палаты и въ Московскомъ Архивѣ министерства юстиціи. Такъ какъ богатый бояринъ является здѣсь не только правящимъ своими крѣпостными вотчинами, но и разговаривающимъ съ своими приващивами и крестьянами, то въ изложеніи своего предмета мы старались и о томъ, чтобы сохранить складъ старинной живой рѣчи, въ которомъ всегда обнаруживается и складъ самыхъ понятій.

I.

Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ.—Его вотчинное богатство и вотчинное управленіе.—Значеніе боярскихъ дворянъ.—Приказный человекъ.—Приващичій вакалъ.—Вотчинные доходы.—Оброкъ денежный.—Столовые запасы и обыкнды и другіе поборы натурою.—Распоряженіе и приказы боярина о сборѣ такихъ обиходовъ.—Позовы или подводы.—Оброки и заводы рыбныя.—Вотчинные сады.—Боярская панна и сѣнокосъ.—Вольнонаемная работа.

Большой бояринъ, о вотчинномъ хозяйствѣ котораго будемъ говорить, принадлежалъ дѣйствительно не только къ числу большихъ бояръ, но и былъ первымъ лицомъ въ государствѣ. Это былъ знаменитый Борисъ Ивановичъ Морозовъ — дядька - воспитатель царя Алексѣя и вмѣстѣ съ тѣмъ, по вступленіи на царство своего воспитанника, дядька-опекунъ всего царства. «По благоволенію царскому былъ онъ силенъ и словомъ и дѣломъ», какъ отзываются о немъ современники. Происходилъ онъ изъ знатнаго и стариннаго боярскаго рода, служившаго Москвѣ еще съ перваго времени, какъ она стала великимъ княжествомъ. Неизвѣстно, какими вотчинными богатствами владѣлъ этотъ родъ вначалѣ, но извѣстно, что всѣ наши богатые роды, развѣтвляясь и раздѣляясь, съ теченіемъ времени всегда все больше и больше бѣднѣли и, затѣмъ, въ отношеніи земельного богатства низводили своихъ членовъ на степень обыкновенныхъ рядовыхъ дворянъ-помѣщиковъ средней руки. Такимъ средней руки помѣщикомъ является въ началѣ своего поприща и знаменитый Б. И. Морозовъ. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Глѣбомъ Ивановичемъ, онъ началъ службу стольникомъ и, главное, спальникомъ при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ, какъ только тотъ вступилъ на престолъ; это показываетъ, что братья Морозовы были по дѣламъ сверстники молодому царю. Такимъ образомъ, службу они проходили не на боевомъ полѣ, какъ другіе знатные боярскіе дѣти, а постоянно и почти безотлучно при особѣ государя, т.-е. подъ кровлями дворцовыхъ покоевъ, гдѣ на царскомъ довольствѣ жить было привольнѣе, хотя и суетливѣе, ибо ихъ должности, особенно

старшаго брата Бориса, равнялись все-таки должностямъ камердинерскимъ и состояли въ томъ, чтобы передавать куда слѣдуетъ царскіе домашніе вѣщаные привазы, ходить на посылахъ, приносить тѣ или другія вещи по желанію государя, вообще исполнять все то, чего требовала исключительно вѣщанная служба и вѣщанное кабинетное прислужничество. Служба дѣйствительно суетливая, но не слишкомъ тяжелая, вовсе незнавшая лишеній и невзгодъ далекаго похода и боевого поля, а потому и не пользовавшаяся особымъ почетомъ и славой. Но за то въ концѣ концовъ эта служба всегда такъ привѣщала людей въ особѣ государя, связывала ихъ съ самодержцемъ такими привычными, почти дружественными отношеніями, что эти люди по естественнымъ причинамъ становились въ послѣдствіи хозяевами во дворцѣ и стало быть во всемъ государствѣ, ибо дворецъ и государство были тогда понятіями однозначащими. Съ возрастомъ государя, возрастали и его домашніе слуги, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастало и ихъ вліяніе уже не на домашнія, но и на государственныя, общеземскія дѣла. Самостоятельность государевой власти, выходящей съ его возрастомъ изъ-подъ опеки боярской думы, тотчасъ же передавалась сама собою и личнымъ вѣщаннымъ слугамъ самодержца, которымъ естественно онъ могъ больше довѣрять и больше на нихъ надѣяться. Боевое поле, походная и вообще далекая служба, хотя бы и самая почетнѣйшая, напр., на мѣстникомъ въ какой-либо далекой Казани или Астрахани, отдаляла человѣка отъ очей государя и тѣмъ всегда лишала его непосредственнаго прямого вліянія на дѣла. Приближенные, вѣщанные бояре и особенно временщики это очень хорошо понимали и опасному человѣку, въ виду своихъ цѣлей, всегда уготовляли такое почетнѣйшее далекое замосовное поприще.

Само собою разумѣется, что перенести свое вліяніе изъ государевой вѣщанной на государственныя дѣла могли только люди способные, знающіе и даровитые, а такими не всегда являлись вѣщанные слуги государя. Многіе изъ нихъ такъ и оставались только на этой первой ступени своей службы, т.-е. только вѣщанными людьми, получая въ послѣдствіи, и то только по своей родовитости, санъ ближняго боярина. Зато способный и проницательный человѣкъ, умѣющій добыть себѣ положеніе, создавалъ себѣ въ государевой вѣщанной самую твердую почву для дальнѣйшихъ дѣйствій и успѣховъ своей службы. Такимъ и былъ бояринъ Морозовъ. Видно, что съ братомъ своимъ Глѣбомъ онъ съ самаго начала отличался добрымъ, благочестивымъ нравомъ и, кромѣ того, отъ брата отличался крѣпкимъ разумомъ и стремленіемъ увеличивать запасъ своихъ познаній не одною только

церковностью, не и всякими новыми свѣдѣніями и опытами, какіе только можно было повстрѣчать въ кругу знающихъ людей. Онъ не отказывался отъ дружбы съ нѣмцами и съ другими иноземцами, стараясь всегда извлечь изъ этого знакомства наиболѣе практическія прикладныя, наиболѣе выгодныя пользы. На такія именно пользы направлена была и крѣпость его ума, не отличавшагося способностями въ прямомъ смыслѣ государственными, а стремившагося только повсюду, и въ государствѣ, какъ и у себя дома, соблюсти выгоды и порядки хозяйственныя, тѣ именно порядки, посредствомъ которыхъ наживаютъ больше денегъ, отыскиваютъ новыя источники доходовъ, не всегда думая о послѣдствіяхъ. Его вотчинныя, какъ увидимъ, очень разумныя порядки исполнѣ могутъ объяснить систему его дѣлъ государственныхъ: разныя новыя пошлыны и налоги, новыя тягости для народа, доставляли государству, хотя и видныя, но весьма сомнительныя пользы, а потому сдѣлали имя Морозова ненавистнымъ для всей земли и возбудили цѣлый рядъ народныхъ возстаній.

Когда оба брата Морозовы были взяты во дворецъ на житье, что случилось, кажется, въ 1615-мъ г., ихъ вотчинное хозяйство, вѣроятно, находилось не въ особенно достаточномъ состояніи. На это указываютъ между прочимъ царскіе имъ подарки, свидѣтельствующіе, что они и самую одежду получали отъ щедротъ государя. Такъ, 28-го окт. 1615-го г., Борису Ивановичу государь пожаловалъ 4 аршина сукна лундыму сѣрогорачій цвѣтъ, цѣною все портище въ 6 р.; 25-го марта 10 арш. камби червчатой (12 р. 50 к.); 9-го іюля подарилъ ему уздечку для воя, цѣною въ 1 р. 80 к. Въ 1616-мъ г. окт. 31-го, государь съ матерью инокою Мареею Ивановною ходилъ въ свою казну, т.-е. въ кладовыя казеннаго двора; ихъ сопровождали и братья Морозовы, которымъ тутъ же и было пожаловано по 10 арш. камби червчатой, цѣною каждое портище въ 10 р. Затѣмъ, 6-го іюня Борисъ Морозовъ получилъ опять 10 арш. атласу червчатого (16 р.). Въ 1617-мъ г. марта 14-го, государь благословилъ его значительнымъ количествомъ иконъ, вѣроятно, устраивая его домомъ, ибо вскорѣ, 6-го іюля, Морозовъ женился, причемъ по обычаю, пріѣхавъ на другой день свадьбы во дворецъ, также былъ богато одаренъ и съ молодою женою и отъ государя и отъ государевой матери. Къ сожалѣнію, имени молодой не упомянуто и неизвѣстно изъ какого она была рода. Но это умолчаніе ея имени должно показывать, что родъ ея не былъ знатенъ, хотя, можетъ быть, и былъ богатъ. Вѣроятно, за женою Морозовъ взялъ что-либо въ приданое и изъ вотчинъ, а потомъ къ этому времени и самъ государь могъ наградить молодого прибавкою вотчинъ или по-

мѣстья за службу. Со стороны царской справедливости это было даже и необходимо, ибо Морозовъ, поступивъ въ комнатную службу и находясь при государѣ безотлучно, разумѣется, не могъ уже хорошо вести свое вотчинное хозяйство, и хорошо слѣдить за своими хозяйскими прибытками. Ясно, что помогать ему въ поправѣ его состоянія долженъ былъ самъ государь, который на самомъ дѣлѣ все это вполне понималъ. Когда, умирая, онъ призвалъ Морозова, чтобы поручить ему попечительство о наследникѣ престола, его же воспитанникѣ, царѣ Алексѣѣ, онъ въ предсмертномъ словѣ выразилъ вѣрному слугѣ, что вполне цѣнитъ не только его службу, но и его личныя жертвы, принесенныя этой службѣ. «Служи сыну также, молвилъ государь, какъ мнѣ служилъ и работалъ — съ великимъ усердіемъ и радостью, оставя домъ свой и всякіе пожитки и покой». Лѣтописецъ прибавляетъ по этому случаю, что Морозовъ «служилъ ему великому государю и пребывалъ въ царскомъ дому его неотступно, оставя свой домъ и пожитки и волю и повои всякій, и не пожелалъ имѣть жены (вѣроятно уже второй) и чадъ и сродниковъ, всегдашняго пребыванія (во дворцѣ) томо возжелалъ». Впрочемъ Морозовъ окончательно укрѣпился во дворцѣ только со времени избранія его въ дядьки къ царевичу Алексѣю въ 1634-мъ г. ¹⁾ Вѣроятно, въ это время онъ былъ уже вдовъ и ради новой такой высокой службы не пожелалъ вторичной женитьбы. Какъ извѣстно, онъ потомъ женился въ одно время съ своимъ воспитанникомъ и притомъ на родной сестрѣ молодой царицы. Само собою разумѣется, что съ того же времени начинаетъ увеличиваться и его вотчинное богатство. Бывши стольникомъ, Морозовъ числился своими окладами по вѣдомству галицкой четверти, т.-е. по городу Галичу, гдѣ Морозовы были старинными помѣщиками. Въ 1628-мъ г. за нимъ, какъ и за его братомъ числилось по 1,000 четвертей или по 500 десятинъ помѣстной земли. Денежнаго жалованья онъ получалъ почти наравнѣ съ окольныхими и поровну съ кравчими, т.-е. больше всѣхъ товарищей стольниковъ и даже больше брата, онъ—230 р., а братъ 200 р. При назначеніи въ дядьки къ царевичу и возведеніи въ санъ боярина денежный окладъ былъ увеличенъ до 500 р., вѣроятно, съ соразмѣрнымъ увеличеніемъ и помѣстной или же вотчинной земли ²⁾.

¹⁾ Точно также и братъ его Габъ впоследствии тоже былъ определенъ дядько-воспитателемъ къ царевичу Ивану Мих., въ 1633 г.; но по случаю своей младшей царевича не могъ укрѣпиться во дворцѣ наравнѣ съ братомъ.

²⁾ Описание Разр. архива, М. 1642. стр. 6, 9.

Старинными его вотчинами, которые перешли въ нему по наслѣдству, были подмосковное село Павловское съ деревнями въ Звенигородскомъ уѣздѣ (312 десятинъ) и галицкое село Вознесенское съ деревнями около 600 десат. Когда его воспитанникъ, царевичъ Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ и когда они оба поженились, то Морозовъ получилъ въ вотчину знаменитыя и очень богатыя Приволжскія села, Лысково и Мурашкино съ деревнями; въ первомъ по писцовымъ книгамъ 1626-го г. значилось 5,400 десятинъ, во второмъ 11,700 дес., итого 17,100 десат. со множествомъ разныхъ угодій, съ казенными кабаками и таможенями. Между тѣмъ еще прежде этого пожалованья, равно какъ и послѣ, бояринъ много вотчинъ приобреталъ и покупкою, такъ что въ концѣ, въ годъ своей смерти (1662) онъ былъ владѣльцемъ по крайней мѣрѣ 8,000 дворовъ¹⁾, что примѣрно и по умѣренному расчету можетъ равняться слишкомъ 20-ти тысячамъ крестьянскихъ душъ и 80 тысячамъ десятинъ земли помѣщичьей, крестьянской и лѣсныхъ угодьевъ. Намъ неизвѣстно вотчинное богатство другихъ бояръ — товарищей Морозова, но во всякомъ случаѣ это былъ землевладѣлецъ достаточно крупный. Въ его владѣнны находились села, не упоминая о принадлежащихъ къ нимъ деревняхъ, въ Московскомъ уѣздѣ: Павловское, Иславское, Бедрино, Котельники; въ Тверскомъ — Лотошино, Городня, Едиманово; во Владимирскомъ — Филисова Слободва; въ Галицкомъ — Вознесенское; въ Каширскомъ — Косево; въ Рязанскомъ — Селецкая слобода, села: Киструсь, Борожь, Красная Слобода, Сасыкино; въ Рязскомъ — Петровское-Кавино; въ Нижегородской сторонѣ: Лысково, Мурашкино, Покровское-Ногавицкино, Покровское-Вадъ, Троицкое-Ичалки, Бурцово, Сергачъ (нынѣ городъ), Кузминъ-Усадъ, Япшень, Знаменское-Котросъ, Покровское-Перегали, Уварово, Богородское-Кочюново и др.; въ Темниковскомъ — Новое Рождествено.

Управление всѣми этими вотчинами до послѣднихъ мелочей сосредоточивалось въ рукахъ самого боярина, но главнымъ образомъ, конечно, въ рукахъ его дворовыхъ людей, изъ которыхъ двое, самые приближенные, сидѣли въ московскомъ дворовомъ боярскомъ приказѣ, центральномъ мѣстѣ вотчиннаго управления, откуда выходили всякіе боярскіе указы и приказы

¹⁾ Въ одной Нижегородской сторонѣ у него было, по его же словамъ, въ 1660-мъ г. больше 4,000 дворовъ. Въ годъ его смерти осенью, 4-го окт. 1662-го г., вдова боярина получила съ Нижегородскихъ, Арзамасскихъ, Рязанскихъ, Галицкихъ и со всѣхъ вотчинъ, кромѣ Московскаго уѣзда, съ крестьянскихъ и боярскихъ съ 7,880 дворовъ по полтинѣ съ двора—8,940 р. Архивъ Оруж. Пал. Книга № 218.

ж куда танули всѣ дѣла всѣхъ вотчинъ. Изъ дворовыхъ же, непремѣнно, въ каждую вотчину назначались прикащики или управители. Такъ дѣлалось по старому неизмѣнному обычаю, который шелъ отъ самаго начала нашей исторіи и въ XVII-мъ стол. оставался памятникомъ еще варяжской древности. Князья и ихъ дружина—бояре, получая отъ земли *кормленіе*, въ первое время должны были сами его и собирать, а потому и поручать этотъ сборъ могли только людямъ вполне имъ преданнымъ, на которыхъ можно было надѣяться и потому надѣяться, что, въ случаѣ обмана, можно было ихъ преслѣдовать какъ свою же собственность. Словомъ сказать, сборъ кормленія и всякія подробности управленія землею по этой статьѣ должно было поручать людямъ своимъ, по просту людямъ крѣпостнымъ, холопамъ. Вотъ почему въ древній періодъ нашей исторіи, какъ скоро это дѣлался тивуновъ (прикащикомъ) или ключникомъ (дворецкимъ), тотъ по необходимости становился холопомъ. Надо было дѣлать особый уговоръ, чтобы не попасть въ холопы, принимая на себя эти должности. А такъ какъ кормленіе составляло существо самаго управленія землею, то ясно, что исполнительная власть этого управленія почти вся находилась въ рукахъ холопства, въ рукахъ дворовыхъ княжескихъ ли, боярскихъ ли людей. Изъ холопа выросталъ такъ-называемый *приказный человекъ*, т.-е. которому была приказана, поручена какая-либо доля власти и управленія, для того, чтобы собирать кормленіе. Таково начало приказной службы, изъ которой потомъ образовалась служба государева, а затѣмъ государственная. Но измѣняя свой обликъ, переходя съ медленною постепенностью изъ частнаго, личнаго, въ общему, она очень долго сохраняла свое первоначальное существо, т.-е. свой крѣпостной, холопскій характеръ, отчего и прежніе дружинники и всѣ безъ исключенія государевы слуги или собственно уже слуги государству именовались обыкновенно холопами. Приказная служба во всѣхъ своихъ видахъ была по существу своему служба холопская, ибо вотчинникъ, былъ ли то государь или помѣщикъ — все равно, какъ общій типъ управленія землею, управлялъ ею посредствомъ своихъ дворовыхъ, своихъ крѣпостныхъ, которые встарину, по пребыванію во дворѣ вотчинника, именовались *дворянами*. Такимъ образомъ дворня, какъ во всемъ государствѣ, такъ и въ каждой вотчинѣ и повсюду представляла существенную силу всякой управляющей власти, драпируясь только въ широкія имена бояръ, намѣстниковъ, воеводъ и т. д., а по существу дѣла все тѣхъ же тивуновъ-прикащиковъ. Главное, что характеризовало эту правящую и властвующую силу и чѣмъ отличалась она

отъ земли—народа—это были ея особыя нравы, обычаи, навыки, приобрѣтенныя ею въ незапамятныя варяжскія времена и стоявшіе на томъ, чтобы побирать съ земца свое кормленіе. Ясно, какіе это были нравы, обычаи и навыки. Кормитель-земецъ долженъ былъ оплачивать этой силѣ каждое свое движеніе на землѣ, каждый свой шагъ. Сила развивала въ себѣ непомѣрную жадность, взяточничество, своеволіе, самовластіе, всяческое коварство, всѣ пороки холопства и всѣ его добродѣтели, что для земца было одинаково, ибо холопская добродѣтель есть собственно только наиболѣе усердное угодничество предъ властью, смотрѣвшюю лишь за прибыткомъ въ своемъ кормленіи. Никто, конечно, не приносилъ въ крестьянскую среду столько обидъ и притѣсненій, какъ эти *приказные люди* всякаго названія. Народу они очень хорошо были извѣстны съ самыхъ первыхъ временъ. Еще въ имени княжескаго и боярскаго тивуна соединилось для него все ненавистное и страшное въ его жизни, и поэтому при всякой народной расправѣ первыми жертвами всегда являлись тивуны (приказники) и отроки (слуги). Сами князья хорошо знали навыки своей дворни и, поучая добродѣтели своихъ дѣтей, какъ Владимиръ Мономахъ, вѣрнѣе наказывали не давать, особенно во время походовъ, «отрокамъ пакости дѣлать ни въ селахъ, ни въ житахъ, да не начнутъ васъ (люди) власти». Но лучше всего объясняетъ отношенія тивуновъ къ народу полоцкій князь Константинъ. Однажды у себя на пиру захотѣлъ онъ смѣхомъ укорить своего тивуна и спросилъ предъ всѣми попа: «владыко! гдѣ быть тивуну на томъ свѣтѣ». Попъ отвѣтилъ: «тамъ же, гдѣ и князю». Князю это не полюбилось. «Какъ же такъ? возразилъ онъ: тивунъ неправдою судить, взысканіе беретъ, людей продаетъ, мучить, все лихое дѣлаетъ; а я что дѣлаю?» Попъ отвѣчалъ, что «добрый князь, который жалуется людей, любить правду, выбираетъ и тивуна добраго, разумнаго, правдиваго. Тогда и князь въ рай, и тивунъ въ рай. Князь же недобрый, который крестьянъ не жалуется, сиротъ не милуетъ, овдовицахъ не печется, поставляетъ и тивуна, человѣка злого, только для того, чтобы богатство добывалъ. Такой князь не бережетъ людей: какъ бы бѣшеннаго человѣка кто пустилъ на людей, давъ ему мечъ; такъ и князь, давъ человѣку волость, губить людей. И князь въ адъ, и тивунъ съ нимъ въ адъ же!»

Такимъ образомъ, по свидѣтельству самихъ же князей, тивунъ-приказникъ былъ типомъ земскаго насильника и взяточника. Но они мало слушали мудрыя поповскія разсужденія, а еще меньше имъ слѣдовали; ибо трудно было измѣнить установленную правдами систему кормленія, трудно было вынуть, такъ сказать,

душу изъ приказной холопской среды, посредствомъ которой они добывали себѣ это кормленіе. О томъ, что обыкновенно дѣлывала эта среда даже вблизи своихъ господъ, особенно во время походовъ и поѣздокъ, мы имѣемъ многія свидѣтельства. Въ 1480-мъ г., по случаю нашествія ордынскаго царя Ахмата, великая княгиня Софья, ради татарскаго страха, уѣзжала изъ Москвы съ дворомъ на Бѣлоозеро. Зимой, когда опасности уже не было, она воротилась въ Москву. Лѣтописецъ отмѣчаетъ ея походъ слѣдующими словами: «Пріиде великая княгиня Софья изъ бѣговъ, бѣгала отъ татаръ на Бѣлоозеро, а не гонялъ никтоже; и по вторымъ странамъ ходили, тѣмъ пуци татаръ (было) отъ боярскихъ холоповъ, отъ кровопійцевъ христіанскихъ. Воздай же имъ Господи по дѣламъ ихъ и по лубавству начинанія ихъ, по дѣламъ руць ихъ даждь имъ», восклицаетъ очевидецъ этого похода.

Къ этому надо еще припомнить, что дворня у каждаго вотчинника всегда была очень многочисленна, сравнительно, разумѣется, съ его достатками или съ знатностью сана. Боярскій обычай содержать при себѣ многочисленную дворню, отъ 100 до 1000 человекъ, какъ говоритъ Котошихинъ, относится къ той же глубокой старинѣ и происходитъ изъ условій и потребностей дружиннаго быта. Какъ вольные люди, переходя отъ одного князя къ другому, бояре необходимо должны были имѣть свою крѣпостную дружину (чадь, челядь), т.-е. достаточное число даже вооруженныхъ слугъ, готовыхъ въ случаѣ нужды и къ защитѣ, и къ нападенію. Этотъ крѣпостной разрядъ дружины именовался тоже *дворомъ*. Въ древнее время онъ имѣлъ значеніе, по преимуществу дружинное, военное. Въ царскій періодъ, утративъ прежнее значеніе, боярскіе дворы пріобрѣтаютъ значеніе такъ сказать, декоративное и притомъ оффиціальное. Въ XVII-мъ вѣкѣ при встрѣчѣ пословъ выставлялись для церемоніи не только придворные люди государя, но и дворы бояръ и даже вдовъ-боярынь, за которыми оставлялись мужнины вотчины. Въ началѣ XVII-го стол. первые государевы столыники Борисъ и Глѣбъ Морозовы выставляли въ этихъ случаяхъ—первый 25, второй 15 человекъ, дворовыхъ конныхъ въ цвѣтномъ платьѣ. Постольку же или немного больше выставляли и бояре. Впрочемъ, эти числа не были всегда одинаковы, а увеличивались или уменьшались, смотря по важности церемоніала.

Все это, конечно, приводило къ необходимости или вполнѣ поддерживало древній обычай содержать во дворѣ приличное, т.-е. соотвѣтственное знатности и богатству число дворовыхъ людей. Не говоримъ о повседневныхъ условіяхъ тогдашняго

бита вообще, а боярскаго въ особенности, когда, напр., простая поѣзда боярина въ деревню требовала весьма значительнаго подъема людей и достаточнаго конвоя, ибо дороги повсюду не были безопасны; грабить выѣзжали даже сами помѣщики и притомъ еще князья. Точно также и въ московскомъ дворѣ жить было безопаснѣе среди крѣпостнаго многолюдства.

Самое собою разумѣется, что это дворовое многолюдство вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ сидѣло на хребтѣ того же земца-кормителя, земца-пахаря и промышленника. Котошихинъ говорить, что кромѣ таѣхъ называемой мѣсячины и застольной, т.-е. кромѣ корма, а также и одежды, бояре выдавали дворовымъ женатымъ еще денежное жалованье отъ 2 до 10 руб. въ годъ, смотря по человѣку и по службѣ. Но инымъ, особенно холостымъ, жалованья вовсе не давалось; да и кормъ не во всякомъ боярскомъ домѣ бывалъ достаточный, или по скудости, или по бѣдности. Во многихъ дворахъ выдавались только харчевыя деньги, да и то, что называется, въ обрѣзъ, такъ что едва ихъ доставало на прокормъ. Оттого праздный боярскій людъ нерѣдко добывалъ себѣ продовольствіе посредствомъ воровства, грабежей и разбоевъ, чѣмъ всегда славилась старинная Москва, какъ центральное и столичное мѣсто для всякой дворни, жившей при своихъ господахъ-боярахъ. Въ Москвѣ дѣйствительно бывали такіе боярскіе дворы, мимо которыхъ, какъ мимо двѣнадцати дубовъ Соловья-разбойника, не было обывателямъ ни проѣзду, ни проходу. Таковы, напр., были дворы на Дмитровѣхъ овольничаго Стрѣшнева, кн. Голицына, кн. Татеева, у которыхъ чинилось убійство великое и дурно-всякое. А люди кн. Ромодановскаго завзали однажды къ себѣ во дворъ съ серебрянымъ товаромъ, будто для покупки, старосту серебрянаго рада, ограбили его и убили. Забрать этотъ дворъ было послано 100 человѣкъ стрѣльцовъ. На розыскъ грабители повинились въ убійствѣ еще 20-ти человѣкъ и рассказали, что въ этихъ разбояхъ участвовала чуть не вся дворня Ромодановская¹⁾. Это было въ 1675 г. Конечно, разбойное дѣло въ боярскомъ дворѣ не было правиломъ, а было только исключеніемъ, являлось вслѣдствіе или нужды, или крайняго разврата дворни. Въ обычныхъ, повседневныхъ случаяхъ жадная, да большою частью и бѣдная, дворня занималась всякими поборами съ тѣхъ, кому былъ нуженъ доступъ къ боярину. А кому же не нуженъ былъ такой доступъ, если каждый бояринъ, и старшихъ, и младшихъ чиновъ, сидѣлъ въ какомъ-либо приказѣ, или въ какомъ-либо городѣ на воеводство,

¹⁾ Дворк. Разрядн, III, 1116, 1388.